

Полностью правдивая, по-настоящему удивительная и абсолютно невероятная история жизни и познания себя и мира королевой гадюк, малышкой Наташей — Амун Птха Ра, рассказанная по памяти, без неправды и украшательств, бессменным хранителем Большого белого маяка, старым балтийским крокодилем Морисом редактору издательского дома «Буксир» Карлу Францевичу Барыгину-Амурскому

Анастасия и Владимир
Толкачёвы

ГАДЮКА *Наталья*

УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
О ВЕРЕ В СЕБЯ, ХОРОШИХ
МАНЕРАХ И ИСЦЕЛЕНИИ
ЗМЕИНЫМ ЯДОМ

МОСКВА
2024

На каменистых берегах холодного Балтийского моря достаточно пожилой, но не старый крокодил Морис был разбужен жутким криком Мамы Роузи. Большая куриная мама в миг вылупления очередного цыплёнка из растрескавшегося куриного яйца неожиданно увидела опасную, разрисованную мордочку серой балтийской гадюки. Её жёлтые глазки дружелюбно моргнули «маме»:

— Мама, мама!

Но её взгляд был таким ярким и пугающим, что вызвал истощенный крик Мамы Роузи.

— Гадюка, гадюка, ядовитая змея! — завопила она. — Помогите!

Это был новый мир для малышки из яйца. Ей надо было быстро привыкать к этому миру. Уже очень скоро она поймёт, что другие люди и звери жутко боятся гадюк и не готовы с кем-либо делить свою власть и монополию на силу и страх.

* * *

Старый балтийский крокодил Морис был хранителем Большого белого маяка. Кого вы сразу себе представили? Правильно — большого, ужасного нильского крокодила с жуткими жёлтыми зубами. Морис тоже был заложником сложившегося мнения и своего внешнего вида.

Жители прибрежной старинной финской деревушки Лаута Ранта — Солнечный Берег и её малочисленные соседи каждый раз ожидали от него чудес героизма и вершин мужества.

— Это всё из-за того, что я француз. А тем, что мне тоже иногда бывает очень страшно, они не интересуются... — часто бурчал себе под нос Морис.

Его ещё задолго до революции 1917 года детёнышем случайно загрузили и привезли в Российскую империю на старом французском судне — в ящике с бананами, прямиком из Алжира, а может, из Марокко. Жители деревни Солнечный Берег в результате сложных умозаключений пришли к выводу, что если он приплыл на французском судне, значит он француз. А поскольку его обнаружили в ящике, на котором было написано большими красными буквами «МОРИС», то сразу назвали путешественника этим красивым, с претензией на аристократичность именем. Морис, иногда специально слегка грассируя, тянул звуки и представлялся так:

— Мор-р-рис.

Сколько ему лет и сколько вообще живут крокодилы, он не знал. Но за долгие годы он стал старейшим жителем Солнечного Берега, окрестных бухт и рыбацких посёлков, поэтому добавлял к своему имени титул «балтийский» — для того чтобы ни у кого даже мысли не возникало, что он не местный.

А такой мысли ни у кого и не возникало — вступать в споры с крокодилом, к тому же он красиво вписывался в суровую природу Балтики.

Морис любил производить эффектное впечатление своим неожиданным появлением.

— Крокодил! Крокодил! — кричала какая-нибудь до смерти напуганная туристка на САПе, когда Морис, проплывая мимо прекрасной незнакомки, заводил галантный разговор:

— Чудесная водичка, не находите?

Или что-либо в этом роде.

А ещё подходил со стороны леса к туристам у костра и напоминал об экологических и природоохранных правилах: не сорить на пляже, забирать с собой бутылки и мусор, не разводить открытый огонь, готовить в принесённом с собой мангале, тщательно тушить, заливая водой, раскалённые угли перед уходом из леса. Вы уже догадались, что мусор и костры туристы не оставляли. Мусор, все вещи, да и сами отдыхающие, навсегда стремительно без следа исчезали из прибрежного рая.

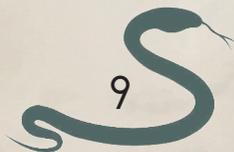
* * *

Простите, мы заболтались.

Так вот. Морис смело бросился в ту сторону, откуда доносились панические вопли Мамы Роузи, — в её детский сад. И обнаружил, что это не рыжие разбойники, лисы, которые, как он ожидал, пробрались, чтобы похитить цыплят.

Маленькая серая змейка с разрисованным лицом-мордочкой, с умными, живыми жёлтыми глазами смотрела на него и вдруг произнесла:

— Папа.

Морис был очень опытным и бывалым крокодилом и сразу понял, что она безобидна для него и окружающих, что ей страшно и холодно. И если кто-то здесь похож на змею, то — пусть и с большой натяжкой — это он. Поэтому, подойдя к змейке вплотную, он спросил:

— Ты кто?

— Ш-ш-ш, — ответила она. — Папа. Ш-ш-ш-ш...

— Ясно, — сказал крокодил. — Ты будешь малышка Наташа. И смотри, тебе холодно. Полезай ко мне в рот... Я тебя не съем. Там тепло и влажно, тебе там будет хорошо.

Он положил голову на сено и чуть приоткрыл пасть — и маленькая змейка проворно туда юркнула.

— О-о-о, — протянула наседка. — Ты не боишься, Морис? Какой ты мужественный! Если бы все были такие тут, на берегу, — мечтательно заключила Мама Роузи.

Закрыв рот и попрощавшись, Морис поспешил к себе на маяк. Теперь с ним был ребёнок, и надо было понять особенности рациона и пристрастий его новой дочки, малышки Наташи. Мама Роузи, когда он уходил от неё, также отдала ему красивую пёструю ленту и надушенную записку, которая лежала рядом с Наташиным яйцом. Записка была написана изящным каллиграфическим почерком. Текст гласил: «По причине ужасной, смертельной опасности я вынуждена оставить у вас это яйцо. Это не простая змея, это дочь карельского короля гадюк Великого Зелёного Змея — луноликая Амун Птха Ра».

